

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Н. Лукин. Альфонс Олар

В. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы»

И. Завитнович. Расслоение крестьян в Бретани накануне Великой французской революции

Н. Лукин. Борьба классов во французской деревни и продовольственная политика конвента в период действия 2-го и 3-го максимумов

Ц. Фридлянд. 9-е термидора

К. Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9-го термидора

С. Моносов. Последние выступления парижских предместий

Н. Фрейберг. Шомет, генеральный прокурор Парижской коммуны, в первые годы Великой французской революции

О. Вайнштейн. Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революции

Ц. Фридлянд. Итоги изучения Великой французской революции в СССР

Н. Лукин. Новейшая эволюция Альбера Матьеза

И ЗАВИТНЕВИЧ

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯН В БРЕТАНИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(К вопросу о причинах восстания шуанов)

Чрезвычайно интересное явление Великой французской революции — контрреволюционные выступления крестьян и в частности вандейские войны и восстания шуанов — почему-то не привлекало внимания русских исследователей. В специальной литературе вопрос трактовался как проблема военной истории, социальный же смысл явления казался очень простым и вполне установленным.

В популярной марксистской литературе обычно дается такое освещение этого вопроса: против буржуазной революции восстал ряд отсталых провинций, где капитализм сделал наименьшие успехи, где города — эти ячейки капитализма — встречались редко и городское население составляло ничтожный процент и не имело никакого влияния на крестьян; в деревне еще целиком господствовали натуральные хозяйственные отношения; социальное расслоение крестьянского населения было незначительно, огромное большинство крестьян составляли середняки. Между крестьянами и дворянами, в большинстве мелкопоместными, были чисто патриархальные, даже дружеские отношения. Город, где уже имелись элементы капитализма, был чужд крестьянам, зато близки были дворянство и духовенство с их натурально-хозяйственным укладом жизни. Поэтому, когда революция, шедшая из города, потребовала от крестьян выполнения суровой воинской повинности, обидела их «благодетелей»-дворян и стала покушаться на их «святую религию», крестьяне встали на защиту помещика, попа, монастырских земель и доброго короля, на защиту феодальной идиллии против грядущего капитализма.

Трудно сказать, на чем покоится эта концепция кроме традиции, источником которой являются высказывания Ларош Жаке-лена и других дворян — вождей повстанцев. Между тем изучение экономической и социальной истории французской революции и в частности крестьянского вопроса настолько подвинулось вперед,

разрушило столько ложных представлений и предрассудков и дало столько новых фактов, что игнорировать их нельзя. К сожалению области, которые были охвачены контрреволюционным крестьянским движением¹, изучены менее прочих. Необходимость пересмотра концепции крестьянской контрреволюции во Франции выдвигает задачу — выяснить экономическое и социальное состояние крестьянства в областях, ставших ареной вандейских войн и восстания шуанов.

Одним из очагов последнего была восточная часть Верхней Бретани (область Fougères и дистрикт Bain). Задача статьи — выяснить, насколько это позволяют печатные источники² и имеющиеся исследования, какова была общая экономика Бретани, каковы были социальные отношения внутри крестьянства и каково было отношение крестьян к другим социальным группам.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР И НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРЕТАНИ

«Для продажи хлеба Бретань не ожидает неурожайного года у себя или у ближайших соседей, но обзирает все государства Европы, нет ли где недостатка в хлебе», — пишет генеральный контролер³, противопоставляя пассивности традиционной феодальной хлебной торговли активный, энергичный тип торговли развитого товарного капитализма. Вся Бретань покрыта густой сетью хлебных рынков, во всех портах ее идет оживленная хлебная торговля. Под напором бойкой экономической жизни регламентация хлебной торговли трещит по всем швам. Боясь «прогневать» крупных землевладельцев, исполнительная власть смотрит сквозь пальцы на нарушения регламентации, а бретанский парламент, регистрируя приказы центра о регламентации, снабжает их красноречивой оговоркой: мол применение сего не должно стеснять внутренней торговли⁴. В результате регламентация остается лишь на бумаге, и даже официальные лица с ней не считаются. Разрешения на свободный вывоз хлеба из провинции даются к концу столетия все чаще, и все легче становится их добиться.

Господствующее положение на хлебном рынке принадлежало

¹ Вандейские войны и восстания шуанов охватили части следующих департаментов: Vendée, Deux Sèvres, Loire Inférieure, Maine et Loire, Sarthe, Mayenne, Ile-et-Vilaine, Marbihan и Manche.

² Sée et Lesort, Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Rennes, 4 v. Rennes, 1909—1912; указы снабжены богато документированными примечаниями. Guillaou et Rebillon, Documents relatifs à la vente des biens nationaux, département Ile-et-Vilaine, Rennes 1911.

³ Sée, Les classes rurales de la Bretagne du XVI s. à la Révolution, Paris 1906, p. 409.

⁴ Letaconoux, Les subsistances et le commerce des grains en Bretagne au XVIII s.; первая часть статьи помещена в «Travaux juridiques et économiques de l'Université de Rennes», т. I, с. 361, запись от 19 апреля 1723 г.

привилегированным. В их руках скоплялись огромные количества хлеба благодаря господству натуральных феодальных и арендных платежей, причем натурой собирался главным образом ценный хлеб (пшеница, овес): часто в списках повинностей и арендных договорах оговаривались высокие сорта хлеба (froment rouge, gros avoine) или отборное зерно¹. Нередко крестьяне были обязаны доставлять зерно прямо в ближайший порт². Так феодальные отношения использовались для широкой хлебной торговли.

Неудивительно, что развитию капиталистической торговли не сопутствовало смягчение феодального гнета. Наоборот наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации крестьян, как например chevaise³, удержались нетронутыми до самой революции; даже так называемая «свободная аренда» производилась на очень тяжелых условиях⁴, причем арендная плата росла быстрее, чем цены на продукты земледелия.

Феодальная реакция, проявившаяся в восстановлении забытых платежей, в сборе недоимок за много лет сразу и, по утверждению Сэ, в замене откупщиков феодальных повинностей (fermiers) более суровыми управителями сеньерий, а также в росте захвата общинных земель и сдаче их в аренду, служила все той же цели — усилить перекачку хлеба из крестьянских амбаров в житницы сеньеров.

Натуральный характер платежей означает не низкую степень развития торгового капитализма, а своеобразное использование сеньером феодальных форм, в которые включается далеко не феодальное содержание — торговля хлебом на широкий рынок. Если платежи зерном сохранили свой натуральный характер, то прочие повинности, наоборот, переводятся на деньги: например барщина, droit de guet et garde, droit de gîte, а также ряд униженных повинностей⁵.

¹ Cahiers de doléances, v. I, 81 p.; III, 153, 162, 237, 716; III, 380; IV, 101, 178, «80 boisseaux de seigle, bon blé, sec, loyal et marchand».

² Sée, Les classes rurales de la Bretagne du XVI s., с. 280, прим. 1.

³ Quevaise — старинная форма условного крестьянского землевладения, сохранившаяся в некоторых церковных сеньериях Нижней Бретани, обремененная очень тяжелыми шампаром и барщиной. Земля переходила по наследству только к младшему сыну (или дочери); если прямых наследников не было или если они не жили с родителями, земля переходила к сеньеру. В некоторых случаях последний имел право стогнать кевезьера (собственника на основе права chevaise). Продажа земли, дарение или обмен возможны были только с разрешения сеньера и с уплатой ему четверти или трети цены проданной земли.

⁴ Например к концу XVIII в. увеличилось количество bail à détroit: арендатор уплачивал натурой пол-урожаея зерновых культур, а вместо половины прочих продуктов платил денежный взнос, так наз. petite rente (Указ. соч., с. 252).

⁵ Sée, указ. соч., с. 106—108, 198—205, 261, 284, прим. 1, Droit de guet et de garde — право сеньера требовать от крестьян охраны земли и имений; droit de gîte — право сеньера получать у крестьян ночлег и еду.

Товарные отношения не ограничиваются лишь верхними слоями общества; они проникли глубоко в массу населения. Большое количество городов (по Ренскому сенешальству — 9 городов) с значительным количеством ремесленников и наличие крупных городских центров (в Ренне свыше 42 тыс. жителей, в Сан Мало 16767 жителей; в предместьях этого порта St. Servan — свыше 13 тыс. жителей) говорят о довольно значительном общественном разделении труда. Данные об экономическом состоянии Ренна говорят о наличии капиталистического производства (наличие нескольких мануфактур с количеством рабочих свыше 50 человек; производство на экспорт); выделение предпринимателей из среды ремесленников говорит о разложении цехового ремесла¹; полное преобразование цеха красильщиков видно хотя бы из того, что в среднем на 1 мастера приходится 13 подмастерьев, не говоря уже о том, что производство ведется на широкий рынок; льняная и конопляная пряжа, окрашенная в Ренне, расходуется по всей Франции, главными потребителями ее являются Париж, Руан, Лион.

Товарные отношения господствуют в сельских местностях. В каждом приходе проживает несколько ремесленников, причем они являются иногда съемщиками поместья² (последнее — пример полного отделения ремесла от земледелия); имеется большое количество рынков и ярмарок, на которых продаются как земледельческие средства производства, так и средства потребления, продукты и одежда. В тарифе сельских рынков упоминаются: яйца, птица, масло, бобы и т. д.³ Крестьянские наказания часто протестуют против высоких акцизов на напитки, табак, кожи, даже на одежду⁴.

Хлеб является одним из центральных товаров. С одной стороны снабжение местных городских рынков хлебом лежало на крестьянах, с другой стороны наличие хлебных избытков у сеньеров часто имело место рядом с острым недостатком хлеба у некоторых групп крестьян; многие крестьяне вынуждены были регулярно покупать хлеб. Наказ прихода St. Jean de Bére жалуется, что сеньеры и откупщики сосредоточили у себя весь хлеб: «Часто арендаторы не могут снабжать продовольствием города; они сами принуждены покупать хлеб, который они собрали и которым поделились с теми, которых они называют господами. Эти последние неохотно открывают свои амбары и заставляют хлеб чрезмерно

¹ По цехам каменщиков, кровельщиков, плотников и стекольщиков города Ренна Сэ считает этот факт бесспорным, см. S é e, *La vie économique et les classes sociales de la France au XVIII s.*, Paris 1924.

² Guillou et Rebillon, указ. соч., см. приходы. St. Germain sur Ile, p. 330; Orgères p. 523.

³ L e t a c o n n o u x, указ. соч., с. 357, см. также Cahiers. III, с. 189, § 8 и др.

⁴ Cahiers, v. I, p. 275; II, p. 45; IV, p. 173 etc.; II, p. 84, 159; I, p. 156—157.

подниматься в цене». Наказ прихода Chatillon en Vendelais говорит, что бедные арендаторы вынуждены покупать хлеб в течение двух третей года. Во всяком случае крестьяне за небольшим исключением не имели запасов хлеба на случай неурожая.

Неудивительно, что в наказах крестьяне не только резко протестуют против вывоза хлеба в неурожайный год (каковым было лето 1788 г.), но и вообще требуют жесткого регулирования вывоза хлеба из провинции; некоторые наказания даже высказывают пожелание о «национализации внешней» хлебной торговли; так же часты требования запретить делать запасы хлеба и вздувать цены на хлеб¹. Все эти требования целиком обращены против сеньеров и их приказчиков и против связанных с ними крупных торговцев хлебом; высокие цены на хлеб били самих же крестьян, принужденных покупать хлеб.

Наоборот при хорошем урожае и следовательно при неблагоприятной конъюнктуре рынка крестьянин продавал свой хлеб; при этом на крестьян падала вся тяжесть рыночных и дорожных сборов, от которых были избавлены их главные конкуренты — сеньеры; кроме того крестьянину было труднее обойти регламентацию хлебной торговли. Ни повысить раз назначенную цену, ни увезти хлеб с рынка крестьянин не имел права², и в то же время он не был в состоянии отыскивать более благоприятные условия продажи в другом месте, на более отдаленном рынке. Даже местные колебания цен крестьянин не мог для себя использовать из-за этой привязанности к ближайшему рынку. Наконец налоговый пресс заставлял крестьян выбрасывать хлеб на рынок осенью, в самый неблагоприятный момент.

Итак благоприятные экономические условия парализовались тяжелым социальным положением земледельческого населения. Поэтому Бретань очень медленно развивалась в агрикультурном отношении.

От $\frac{2}{5}$ до $\frac{2}{3}$ всей поверхности составляли необработанные земли; нигде кроме Бретани нет такого количества земель, с которых урожай получается раз в 9 лет и даже в 20, 30 и 40 лет (так называемые terres froides); для Бретани характерны многолетний отдых земли из-за полного отсутствия, недостатка или плохого качества удобрения, недостаток рабочего скота, отсутствие тщательной обработки земли, большая засоренность полей, примитивность орудий и т. д.³: один изъян цепляется за другой, один недостаток обуславливается другим. Наказ прихода Rouffigné

¹ Cahiers, v. III, p. 796 etc.; II, p. 571—572; IV, p. 26, 105 etc.; I, p. 422; IV, p. 160; L e t a c o n n o u x отмечает, что рост цен на хлеб в общем невыгоден для крестьян (указ. соч., с. 408—409).

² S é e, *Les classes rurales en Bretagne*, p. 139, 146; L e t a c o n n o u x, *Les subsistances et le commerce de grains en Bretagne au XVIII s.*, p. 305 и 337.

³ S é e, указ. соч., с. 367, 374 384—389.

касается самого больного места крестьянского хозяйства, утверждая, что для того, чтобы сделать земледелие доходным, необходимо иметь «хотя бы небольшой» капитал, которого у крестьян нет¹. Если же у некоторых слоев крестьянства наблюдается накопление капитала, то владелец капитала стремится найти ему применение вне земледелия или держит его под спудом². Расширение запашки за счет необработанной земли для средних крестьян слишком дорого³, травосеяние нигде не применяется; несмотря на обширные пространства необработанных земель часто скот страдает от бескормицы; это явление стало настоящим бичом деревни в последней половине XVIII в. в связи с ростом захвата общинных земель сеньерами⁴. Несмотря на отсутствие принудительного севооборота и принудительных сроков сбора урожая, несмотря на то, что повсюду развито огораживание полей⁵, перехода к интенсивной обработке не наблюдается; земледелие зашло в тупик, и с ходом феодальной реакции его положение все ухудшается.

Оживление агрономической мысли во второй половине XVIII в., сказавшееся в образовании Société d'agriculture, в обилии литературы и в некоторых единичных опытах улучшения хозяйства, не затронуло крестьянских масс. Реальным результатом агрономического оживления было лишь распространение картофеля⁶ и может быть отчасти закон, благоприятствующий распашке нови. Повышение цен на сельскохозяйственные продукты за последние 20 лет до революции было выгодно главным образом сеньерам.

Несмотря на критическое положение, на земледелии все же отразился рост товарных отношений. Тот же хозяйственный гнет, который был причиной кризиса земледелия, явился стимулом для перестройки хозяйства на товарной основе, содействовал развитию торгового земледелия. Однако отсутствие капитала заставляло совершать такую реорганизацию без дополнительных затрат; благодаря этому товарность земледелия приобретает уродливые формы. Особенно ярко это видно из подбора хлебных культур. Наиболее ценные сорта хлеба производились исключительно для продажи, а для собственного потребления сеялись грубо неприхотливые злаки. Лепешки из ячменной или гречневой муки заменяли хлеб; продавая пшеницу, крестьяне для себя сеяли *méteil* или *meléard*, смесь пшеницы с ячменем, овсом или рожью. Когда бывал неурожай этих хлебов, страшно дорожала пшеница, так как крестьяне принуждены были оставлять ее себе на пропитание и не выбрасы-

вали ее на рынок, а для уплаты налогов и покупки хлеба распродал скот, инвентарь, землю¹.

«Дворянство может быть станет говорить вашему величеству, основываясь на действительности, что крестьяне продают быков, жирных баранов и пулярок и что будто бы они на этом богатеют; но справедливо будет сказать, что мы часто и муку продаем, что нам для пищи остаются одни отруби»².

Так крестьяне свои потребности приспособляют к условиям рынка. От такой «системы» торгового земледелия не приходится ждать интенсификации хозяйства. Туго идет замена малоценных культур — гречихи, ржи — более ценной пшеницей. Скотоводство развивается только там, где имеется достаточное количество естественных пастбищ и лугов, причем на роскошных лугах вскармливается очень посредственный скот³ и т. д.

Можно отметить некоторую специализацию культур: судя по сведениям о рынках, местами предметом торговли является почти исключительно пшеница, местами рожь; в некоторых субделегатствах специализировались на производстве овса (в субделегатстве Guéméné под овес засеивается $\frac{2}{3}$ всех пахотных земель; то же и в субделегатстве Antrain); встречается торговое огородничество. Во многих местах важным предметом торговли является яблочный сидр, также мед и воск. Есть районы мясного скотоводства. К востоку от Ренна имеется маслодельный район, снабжающий коровьим маслом Париж, Анжу, Нантскую область⁴.

В некоторых приходах можно констатировать улучшение культуры. В Бретани часто встречается «красная пшеница» (*froment rouge*), высоко ценимая на рынке. Распространяется овес высшего сорта (*gros avoine*). В приходе Coatascorn крестьяне приобретают заграничные семена льна лучшего качества⁵.

Таким образом товарное хозяйство иногда приводит к улучшению средств производства, а это один из важных признаков торгового земледелия.

Показателем того, как укоренились товарные отношения в крестьянских массах, служат многочисленные требования наказов заменить денежными взносами платежи натурой. Сама земля все чаще становится предметом купли-продажи и обмена. Просьбу уничтожить *franc fief* один из наказов аргументирует тем, что

¹ По письму субделегата. S é e, указ. соч., с. 467, см. также с. 392—393, и Let a c o n n o u x, указ. соч., с. 399.

² Наказ прихода Kermoroch, Cahiers, v. IV, 128, см. также IV, 135.

³ S é e, Les classes rurales en Bretagne, p. 398—399. Часто цитируемый в примечаниях наказов «Dictionnaire géographique de Bretagne» par O g é тоже часто указывает на посредственный скот на хороших пастбищах, см. также S é e, указ. соч., с. 390—391; Let a c o n n o u x, указ. соч., с. 303.

⁴ Например, Приходы Pacé, Mordelle, см. Cahiers, v. II, p. 63, 202.

⁵ Cahiers, v. I, p. 611; IV, p. 181.

¹ Cahiers, v. II, p. 393.

² Cahiers, v. III, p. 364.

³ S é e, указ. соч., с. 72—73.

⁴ Например наказ прихода Langon, Cahiers, v. II, с. 441 и др.

⁵ S é e, указ. соч., с. 445.

⁶ Ibidem, с. 430—433.

этот несправедливый налог является «гибельным для торговли землей»¹.

Пользуясь неблагоприятным положением крестьян на рынке, а также плохим состоянием дорог, в торговлю хлебом проникает скупщик, мелкий хлебный торговец (*blatier*) или агент крупного коммерсанта (*coutier*); они закупают у крестьян хлеб на месте, грузят его на телегу, запряженную сильной лошастью, а то навьючивают на мула и в самое бездорожье доставляют хлеб на рынок². Маломощные и безлошадные скоро оказываются зависимыми от скупщика. Таким образом торговый капитал проникает в деревню и эксплуатирует мелкого производителя.

При известных условиях происходит и производительное вложение капитала в сельское хозяйство, например в тех случаях, когда на более или менее продолжительный срок облегчается социальный гнет, давящий сельского производителя и отпугивающий капитал из деревни. Такое действие имел закон 1768 г., освобождавший вновь обработанные участки от налогов и десятины в течение двадцати лет. В одном сенешальстве *Ploërmel* за 12 лет (с 1768 по 1780 г.) было представлено 1378 деклараций на поднятие нови, из которых 1074 были поданы от имени крестьян³.

Крестьянские распашки были ничтожны по величине. Гораздо большее значение имеет предпринимательская аренда ланд для поднятия нови с целью передачи в аренду крестьянам. За это дело охотно взялись не только коммерсанты, но и городская интеллигенция: адвокаты, чиновники, инженеры. Отдельные арендаторы получали участки в две-три сотни *journaux*; некто арендовал 1300 *journaux*. Таким образом за 12 лет было обработано около 130 тыс. арпанов⁴.

Иногда привлекался капитал и для мелиоративных работ (осушение, ирригация), а также для разработки минерального удобрения⁵.

Таким образом в земледелии происходит некоторая мобилизация капитала.

Несмотря на все препятствия социального характера земледелие, медленно, но неуклонно видоизменяясь, обходя препятствия, принимая уродливые формы, приспособляется к товарному хозяйству и следовательно растет к капитализму.

Социальный гнет не простирался на деятельность сельского

¹ Cahiers, v. II, p. 148.

² Letasonnoux, Les subsistances et le commerce des grains, p. 354, 364, 394.

³ Letasonnoux, указ. соч., с. 294; Sée, указ. соч., с. 442.

⁴ В Бретани 1 journal обычно равнялся 0,48 гектара; 1 арпан = 0,58 гектара.

⁵ Sée, указ. соч., с. 335, 424, 427, 435—436, 438, 441.

населения в области обрабатывающей промышленности¹. И эта деятельность пышно развивается всюду, где только есть к этому малейшая возможность.

Большое количество ремесленников в деревнях не только характеризует разделение труда, но и указывает на производство на широкий рынок. Например в приходе *Evran* на 462 налогоплательщика приходится 14 ремесленников, в приходе *Brussely* на 47 налогоплательщиков — 10 ремесленников, а в приходах *Carfo* и *Concoret* почти все население занято печением хлеба для ближайших приходов: *Moncontour*, *Colinée*, *Langast*, *Ploeue* и *Uzel*, где крестьяне заняты ткачеством².

Еще с давних пор Бретань отличалась тем, что среди сельского населения была сильно развита домашняя промышленность. Местами промышленная деятельность служит лишь дополнением к земледелию; часто многочисленные поденщики забрасывали свои участки и земли и занимались исключительно промышленным трудом; встречались даже местности, где все население было занято обрабатывающей промышленностью, именно этим путем добывая средства к жизни³.

Этот заработок уже потерял характер домашней промышленности: в производстве употребляется не только произведенное в собственном хозяйстве сырье, но и сырье покупное, иногда привезенное издалека (хлопок из Америки, шерсть из Испании).

Производство тканей достигло большой степени специализации. Большое количество тканей, а также пряжи вывозится за пределы Бретани, часто служит предметом внешней торговли с Испанией, с Америкой, с Антильскими островами и другими островами южных морей (через порты Сан-Мало и Нант)⁴.

Ничем не стесняемые капиталистические отношения здесь развиваются быстрее, чем в сельском хозяйстве: растет применение наемного труда, растет зависимость от скупщика. Как мелкие купцы, так и агенты крупных торговцев регулярно появляются в деревнях, покупают или принимают готовые ткани, продают и раздают хлопок и прочее сырье. В городах и местечках нередко все население почти сплошь состоит из таких торговцев⁵. Часто

¹ Нельзя сказать, чтобы сеньеры не пытались использовать феодальные отношения для извлечения дохода из промышленной деятельности крестьян. В владениях *de la Chaloussaye* в XVII в. в *aveux* был выставлен пункт, принуждающий каждого крестьянина давать сеньеру по паре перчаток (в 1622—1640 гг.). Но в 1641 г. этого требования уже нет (Sée, указ. соч., с. 94).

² Sée, указ. соч., с. 312, 455—456.

³ Sée, Les classes rurales de la Bretagne, p. 451—452; наказ прихода *Brilles* говорит, что продажа льняной пряжи является единственным источником дохода жителей, Cahiers I, p. 330.

⁴ Sée, L'évolution commerciale de la France sous l'ancien régime, Paris 1925, p. 236, 241—242.

⁵ Sée, Les classes rurales de la Bretagne, p. 451.

пряжи и ткани, выработанные в деревнях, получали окончательную отделку в городах (побелка, ашпретация, окраска)¹. Посредниками в этом своеобразном разделении труда между городом и деревней являются те же скупщики. Таким образом в Бретани наблюдаются различные стадии перехода от домашней промышленности к домашней системе крупной промышленности.

Последние годы перед революцией в промышленной деятельности наступила некоторая депрессия. Контрабандная торговля, благодаря которой так интенсивно пульсировала жизнь Сан-Мало, с 1725 г. стала рискованной, прибыли судовладельцев стали уменьшаться; вместе с тем стала более вялой и торговля порта. С 1778 г. новые пошлины на привозимые в Испанию товары приостановили рост франко-испанской торговли, а договор 1786 г. с Англией дал возможность английским товарам конкурировать с французскими даже на территории Франции. Выявились признаки промышленной депрессии; в некоторых портах, в том числе и в Сан-Мало торговля стала глхнуть. Эта депрессия задевала и крестьянское население Бретани.

II

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

В обстановке развития товарного хозяйства крестьянство как класс не может удержаться в равновесии; часть крестьян не выдерживает конкуренции, хиреет, наконец продает часть своего участка земли для расплаты с долгами или для пропитания, «раскрестьянивается», в то время как другая часть выходит победителем из борьбы в рыночной стихии, приобретает земли разорившихся крестьян, увеличивает обеспеченность инвентарем и рабочим скотом, привлекает к обработке своей земли обедневших крестьян; в их же руки попадает и часть земель привилегированных сословий.

Поскольку в Бретани, как мы установили выше, в XVIII в. господствовали товарные отношения, постольку приходится искать признаки разложения крестьянства.

Среди крестьян встречаются сравнительно крупные собственники, имеющие по 40—50 журналей и даже по 100 журналей земли. Но наряду с ними имеется значительная группа, совершенно недостаточно обеспеченная землей. По 28 приходам 58% крестьян-собственников имеют не свыше 5 журналей, в том числе 12% менее 1 журнала; только 6% крестьян-собственников имеют земли свыше 20 журналей каждый. При этом и в многоземельных приходах недостаточно обеспеченные землей группы составляют около 1/3 всех крестьян-собственников, в малоземельных приходах коли-

чество недостаточно обеспеченных землей доходит до 78%, а имеющих ничтожный участок в 1 журнал и меньше — до 20% и даже до 33%¹. Таким образом повсеместно наблюдается концентрация земли в руках ничтожной кучки крестьян, в то время как значительная часть крестьян находится на пути к ликвидации своего земледелия. Кроме того встречаются и безземельные, о количестве которых данных не имеется.

Если принять во внимание качество земли и уровень техники, то придется установить, что обеспеченность крестьян землей вообще невысока; большая часть крестьян владеет таким количеством земли, которое совершенно недостаточно для самостоятельного ведения хозяйства. Для этой группы имеются только два выхода: или приарендовать несколько журналей земли, или, если на это нехватит средств, совсем отказаться от обработки земли и сдать ее в аренду. Случаи такой сдачи земли в аренду из нужды мы наблюдаем часто, а в некоторых приходах этот вид сдачи в аренду является господствующим. С другой стороны, большой спрос на землю делает сдачу земли в аренду мелкими участками настолько выгодной, что часть крестьян-землевладельцев вовсе отказывается от ведения хозяйства, предпочитая получать ренту и превращаясь в настоящих помещиков, хотя и карликовых. Значительная часть обеспеченных землей крестьян сдает в аренду часть своих земель².

Основные типы аренды можно наметить и по тем отрывочным данным, которые встречаются в документах о продаже национальных имуществ. Первым делом бросается в глаза большое количество дополнительной аренды (т. е. в дополнение к собственному или арендованному участку, о котором документы сведений не дают); при этом одно лицо арендует не полный комплект необходимых для крестьянствования угодий, а только один-два вида угодий; это большей частью небольшой клочок луга, пастбища, иногда

¹ S é e, указ. соч., с. 67.

² Сэ различает только три вида использования крестьянами своих земель: 1) собственник обрабатывает всю землю сам, 2) собственник обрабатывает только часть земли, сдавая остальную в аренду, и 3) собственник сдает в аренду всю землю. В последнем случае он не различает сдачу земли из нужды и сдачу земли зажиточными крестьянами, ставшими карликовыми помещиками. Наличие этих двух видов аренды можно обнаружить путем некоторой обработки таблицы, приводимой Сэ на стр. 74 указ. соч. и помещаемой ниже (см. с. 88).

В приходах № 1—7 господствует сдача земли бедняками (средняя величина земельных владений, отдаваемых в аренду целиком, весьма незначительна и меньше средней величины владений, обрабатываемых самими собственниками). В приходах № 8—15 наблюдается обратное положение; однако и здесь имеет место сдача в аренду из нужды, поэтому средняя величина сдаваемых владений, хотя и превосходит среднюю величину владений, обрабатываемых самими собственниками, все же невелика; средние цифры затмевают яркость расслоения. Смешанное использование земли наблюдается всегда у более обеспеченных земель.

⁴ S é e et Lesort, Cahiers de doléances, введение, с. XXV.

пашни¹; встречается аренда сада, огорода, даже двора. Недостаток сведений не позволяет выяснить социальное лицо этих арендаторов. В тех случаях, когда арендуется дом и двор со всеми хозяйственными постройками и все виды угодий, можно предполагать, что арендатор не имеет собственной земли или владеет ничтожным клочком земли, не имеющим большого значения для определения социальной физиономии арендатора. Хозяйство в районах с преобладанием животноводства ведется приблизительно на 18 журналах пахотной земли (арендованной), а в районах с преобладанием полеводства на 13½ журналах пахоты. Встречается типичная «продовольственная аренда» — ½ и ¼ этого «нормального надела»; иные же арендуют пахоты в 2, в 2½ раза больше этой нормы и ведут хозяйство определенно товарного типа; наконец не так уже редко (но только в районах с плодородной почвой) встречается и чисто предпринимательская аренда больших площадей пахоты (по 3 «надела» и больше).

Подведем итоги. Земельная собственность распределена среди крестьян чрезвычайно неравномерно, а арендные отношения еще увеличивают дифференциацию крестьян в смысле обеспеченности землей. Часть мелких собственников превращается в безземельных *de facto*, которые являются либо порвавшими с сельским хозяйством ремесленниками и кустарями, либо пролетариями, живущими продажей своей рабочей силы. Значительная часть занимаю-

¹ Обычно не свыше 1 журнала, редко 3—4 журнала.

П р и х о д ы	Количество собственников			Количество собственников, владеющих свыше 20 журналей	Площадь земли на 1 собственника		
	I группа. Собственник работает землю сам	II группа. Собственник в аренду всю землю	III группа. Сов. ств. часть земли обраб. сам, часть сдает в аренду		По I	По II	По III
1. Guipel	157	69	13	12	5,6	2,1	19,6
2. La Couyère	70	32	4	8	6,8	3,8	21,3
3. Miniac-Morvan	564	87	17	12	3,6	2,4	15,0
4. Saint Marcan	129	42	—	—	3,5	2,5	—
5. Saint Pierre de Plesguen	170	61	8	—	4,4	3,1	10,9
6. Saint Symphorien	86	64	—	—	3,1	2,3	—
7. Chatillon sur Seiche	77	38	4	6	4,1	3,8	14,2
8. Balazé	56	149	12	34	6,8	12,7	17,4
9. Erbrée	20	102	2	11	3,5	9,0	21,0
10. Lecousse	35	41	—	3	2,8	6,8	—
11. Etrelles	52	136	12	23	7,0	9,4	28,9
12. Eancé	65	83	22	20	5,3	8,4	18,1
13. Leroux	68	92	10	10	4,8	6,0	19,1
14. Florigné	28	76	2	11	3,5	9,0	21,0
15. Coesmes	72	51	24	28	9,3	11,0	29,7

щихся земледелием ведет — на своей или на арендованной земле — хозяйство продовольственного характера. Третья группа крестьян употребляет свою относительно крупную собственность (всю или часть) для получения ренты, превращаясь в карликовых помещиков. Наконец четвертая группа — это крестьяне, ведущие на своих или на арендованных землях хозяйство более или менее товарного характера; среди них можно наметить группу средних крестьян, группу крепких мужиков кулацкого типа и наконец хозяев, ведущих крупное предпринимательское хозяйство и составляющих верхушку сельской буржуазии.

Часть четвертой группы не может обойтись без наемного труда. По 47 приходам восточной части Верхней Бретани на основе суммарных данных о распределении капитации (поголовного налога) можно проследить соотношение основных социальных групп крестьян. Группа крестьян, имеющих постоянных наемных рабочих, иногда очень велика, в некоторых приходах она охватывает треть плательщиков, большую часть составляет 10—20%, и только в одном приходе нет ни одного крестьянина, имеющего постоянных наемных рабочих. С другой стороны, группа маломощных крестьян (капитация не свыше 3 ливров) редко спускается до 20% налогоплательщиков, часто же доходит до половины.

По 95 сельским приходам, по которым имеются подробные данные о капитации каждого присутствовавшего на избирательном собрании, можно проследить характер применения наемного труда (см. табл. с. 90).

Прежде всего в глаза бросается большое количество постоянных наемных рабочих, занятых у одного нанимателя. Половина крестьян из группы пользующихся постоянным наемным трудом имеет свыше одного рабочего; 17% использует труд 3 и 4 рабочих и 2% — даже свыше четырех рабочих; 15 хозяйств эксплуатируют по 5 рабочих, в 7 хозяйствах имеется по 6 постоянных рабочих, в одном 7 и в одном 8 рабочих.

В первой группе приходов встречаются работницы (*servantes*), батраки (*valets* и просто *domestiques* (вообще рабочие, живущие у хозяина). Доля батраков здесь доходит до 1/3; как видно, в этой группе наемный труд применяется для сельскохозяйственных работ в поле и дома. Во второй группе встречаются наемные конюхи (*valets d'harnais*) — район коневодческий. В третьей группе приходов применение наемного труда особенно велико и часто встречаются лица, эксплуатирующие несколько наемных рабочих; здесь наемные рабочие применяются не столько на сельскохозяйственной работе, сколько на работе в обрабатывающей промышленности; часть же рабочих этой группы, как например ткачи, прядильщики и подмастерья, только на промышленной работе и эксплуатируется. Таким образом еще раз подтверждается наибольшее развитие капиталистических отношений именно в областях с развитой до-

Количество приходов	Характеристика групп приходов	Количество наемных рабочих							Количество хозяйств, применяющих					Общее количество хозяйств с наемным трудом	
		Valets	Servantes	Domestiques	Compagnons	Tisserands	Fileuses	Valets d'harnais	Прочих	Всего	1 рабочий	2 рабочих	3 рабочих		4 рабочих
51	I Приходы земледельческие . .	278	361	231	—	—	—	—	870	295	155	51	24	3	528
3	II Приходы с развитым коневодством .	11	22	—	1	—	—	7	41	13	9	2	1	25	
36	III Приходы с развитой домашней промышленностью .	316	507	276	32	64	6	—	1 207	285	196	91	34	22	628
5	IV Приходы со слабым применением наемных рабочих . .	2	9	5	—	—	—	—	16	14	1	—	—	15	
	Итого . . .	607	899	512	33	64	6	7	2 131	607	361	144	59	25	1 196
	В процентах:														
	I группа . .	32	41,5	96,5	—	—	—	—	100	55,8	29,3	9,6	4,1	0,6	100
	II » . .	26,8	53,7	17,1	—	—	—	2,4	100	52,0	36,0	8,0	4,0	—	100
	III » . .	26,2	42,1	22,9	2,7	5,3	0,5	—	100	45,4	31,2	14,5	5,4	3,5	100
	IV » . .	12,5	56,2	31,3	—	—	—	—	100	93,3	6,7	—	—	—	100
	Итого . . .	28,4	42,4	24,1	5,3	0,3	0,3	0,3	100	50,8	30,2	12,0	4,9	2,1	100

машней промышленностью. В четвертой группе, состоящей только из 5 приходов, применение наемного труда встречается реже, а в одном приходе на избирательном собрании не оказалось ни одного крестьянина, имеющего постоянных наемных рабочих.

Кроме постоянных наемных рабочих часть крестьян пользуется работой поденщиков. Установить количество этих хозяйств нет возможности за отсутствием каких бы то ни было данных; некоторое представление о том, насколько распространен наем рабочих поденно, могут дать цифры, приводимые с относительно количества лиц, живущих продажей рабочей силы, — батраков и поденщиков: в некоторых приходах число их составляет 40—45% всего насе-

ления (в приходе Pleine Fougère 1514 domestiques et journaliers, в приходе Romillé — 1024, в приходе Saint Broladre — 495), в ряде приходов число их колеблется между 12 и 30% и только в 3 приходах (из 17) они составляют $\frac{1}{10}$ населения ¹.

Итак крестьянство расслаивается; с одной стороны, выделяется деревенский полупролетариат (и даже пролетариат), с другой стороны — образуется класс сельской буржуазии, эксплуатирующий наемных рабочих.

К сельской буржуазии приходится отнести не только собственников, но и часть арендаторов. Из 112 арендаторов (fermiers), о которых есть сведения в примечаниях к наказаниям, 26 арендаторов пользовались постоянным наемным трудом (батраков и работниц), причем 7 из них имели по 2, двое по 3 и один имел четырех постоянных наемных рабочих. Среди половников (métayers, арендаторов за пол-урожа), положение которых принято описывать в особо мрачных красках, встречается еще больше представителей буржуазных групп, чем среди fermiers. Из 17 половников только трое не имели наемных рабочих, пятеро половников имели по 2 и четверо по 4 наемных работника. Ни один из половников не платил капитации менее семи ливров, в то время как 29 арендаторов (25% общего числа) платили менее 3 ливров, будучи причисленными к сельской бедноте.

Между крупными арендаторами и мелкими происходит борьба из-за получения земли в аренду. Наиболее острые формы эта борьба приняла в Нижней Бретани, в области, где господствовал особый вид феодального держания domaine congéable, при котором собственность на землю принадлежит двум лицам: собственность на землю вообще (propriété des fonds) — сеньеру, а крестьянину — доманьеру — собственность на поверхность (propriété des superficies); притом сеньер имеет право согнать собственника поверхности либо каждые 9 лет (по кутюмам Трегье), либо раз в год, либо в каждый данный момент, даже накануне урожая (по кутюмам Роана). Стояемому уплачивалась сумма, равная стоимости произведенных им затрат капитального характера (построек, насаждений и пр.), а также стоимость семян и расходы по обработке земли, если урожай еще не собран. В резолюции от 15 марта 1789 г. прихожане Трегонно (Tregonneau) красочно описывают такое насильственное превращение собственника в настоящего пролетария ²: «Что делать несчастному, выгнанному со своей семьей из дома среди зимы, лишенному того, над чем он трудился всю жизнь — куска земли?» Укрывшись где-нибудь в овраге, «с плачем и стонами», он кое-как живет до тех пор, пока не израсходует той суммы, которую его заставили взять как компенсацию за

¹ S é e, Les classes rurales de la Bretagne, p. 307.

² Cahiers, v. IV, p. 120. В наказе говорится очень многословно; привожу лишь содержание, сохраняя отдельные выражения.

изгнание; а потом ему ничего другого не остается, как просить подавание. Отсюда ненависть, ссоры, оскорбления, драки; отчаявшись, несчастные идут даже на преступления, на убийства и поджоги. Этим обычаем, узаконяющим произвол сеньера, пользуются для самых низких интриг. «Часто из ненависти, жадности или природной преступности какой-нибудь богач использует скупость сеньера, чтобы разорять крестьян победнее, лишая их единственного имущества, которое давало им средства к существованию»¹. Таким образом борьба крупных держателей с мелкими приводит к увеличению дифференциации крестьян. Феодалные формы этого держания только способствуют концентрации земли в руках одних и пролетаризации других; полупролетариата здесь не остается; разоренные крестьяне деклассируются и деморализуются окончательно.

Кроме непосредственной эксплуатации наемных рабочих деревенская буржуазия косвенным путем эксплуатирует бедняков. Составитель наказа прихода Nouvoitou крестьянин-кулак выбалтывает, как подобные ему «хозяйственные мужички» закабаляют беднейшее население, особенно в неурожайные годы: арендная плата не взимается и откладывается «до случая», дается ссуда семенами и т. д.². Безлошадные крестьяне прихода Balazé вынуждены нанимать лошадей для перевозки натуральной ренты. То же и при посеве. «Если остаются земли незасеянными, — пишет субделегат, — то это происходит из-за жестокости богатых землевладельцев, которые неохотно одоляют своих быков и упряжь беднякам-соседям, имея в виду заставить их по дешевке продать свои поля»³.

Часто кулак помещал капитал в торговлю вином, водкой, мясом. Особенно часты жалобы на мельника, который, пользуясь своим исключительным положением (баналитет арендуемой мельницы), притесняет крестьян, плутует, берет свыше положенного за помол и т. д. Встречаются указания на наличие наемных рабочих у мельника: в приходе Brécé арендатор мельницы имеет двух рабочих, farinier и meunier; в Монфоре у мельника 4 наемных рабочих⁴. Иногда мельник снимает значительный участок земли (до 50 журналей пашни) и ведет земледельческое хозяйство торгового типа⁵.

Положение наемных рабочих тяжелое. Например в годы неурожая и дороговизны богатые фермеры и собственники не

только поденщиков оставляют без работы, но прогоняют и своих батраков. Между нанимателями и наемными рабочими происходит борьба, дело доходит иногда до конфликтов; это видно хотя бы из того, что в двух приходах крестьяне, выставляя требования о местном суде, в его компетенцию предлагают включить вопросы о недоразумениях с заработной платой поденщиков и батраков¹.

Совершенно обедневшие крестьяне живут подаванием, так как общественная помощь недостаточна. В суровые зимние месяцы количество побирающихся увеличивается, а в годы неурожая в эту группу вливаются безработные поденщики и уволенные батраки. Нищенство в Бретани представляет род общественного бедствия; часть наказов предлагает бороться с этим бедствием путем увеличения количества благотворительных учреждений, но многие наказания требуют суровых мер против нищих и бродяг, так как «отсюда ведут начало все преступления»².

Итак, нельзя говорить о едином крестьянстве в Бретани. Товарное хозяйство разложило его на отдельные группы, борьба которых принимает подчас характер открытых конфликтов.

III

ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ КЛАССОВ В КРЕСТЬЯНСКИХ НАКАЗАХ

Нельзя рассматривать наказания как документы, отражающие желания и чаяния всего крестьянства в целом. Помимо ряда вопросов, одинаково разрешавшихся всеми слоями крестьянства, встречаются и такие вопросы, разрешение которых в наказах варьируется в зависимости от классового состава избирательного собрания.

Весьма важно выяснить социальный состав избирательных собраний для того, чтобы разобраться в пожеланиях наказов.

Данные по 108 сельским приходам говорят с полной определенностью о засилии буржуазных групп на избирательных собраниях. В 52 приходах представители буржуазных слоев крестьянства составляют абсолютное большинство, на 19 собраниях им принадлежит относительное большинство; таким образом они имеют численное превосходство на $\frac{2}{3}$ собраний³. Но часто и там, где эта группа численного превосходства не

¹ Cahiers, v. II, p. 144; I, p. 160.

² Cahiers, v. I, p. 173; II, p. 95, 126; III, p. 678; IV, p. 26.

³ Посещаемость собраний была очень низка. Только на 3,3% всех собраний присутствовало свыше $\frac{1}{10}$ всех жителей, т. е. присутствовало не более $\frac{1}{2}$ избирателей. Политический абсентеизм крестьянской массы дал возможность буржуазным группам получать на собраниях численное превосходство.

¹ Наказ прихода Saint Agathon, Cahiers, v. IV, p. 156.

² Cahiers, v. I, p. 613—614.

³ Let a s o n n o u x, указ. соч., с. 329.

⁴ Cahiers, v. I, p. 161, 189, 580; II, p. 94, 427, 633; III, p. 319; IV, p. 26, 137.

⁵ Guillou et Rebillon, указ. соч., приходы Fougerai, Montreuil le Gast, Melesse.

имела, она составляла значительную часть собрания, а так как каждый крестьянин кулацкого типа представляет фигуру гораздо большего социального веса, чем любой бедняк или середняк, то и эти собрания подчас целиком находились под влиянием кулаков. Поэтому среди делегатов-выборщиков (на общее собрание третьего сословия в Ренне) засилие буржуазных групп сказывается еще резче: за ними сохраняется абсолютное большинство и в ряде приходов с численным преобладанием середняков. Даже на тех собраниях, где большинство принадлежало бедняцким элементам, в депутаты часто проходили кулаки, так как бедняки отказывались от чести быть делегатами, боясь расходов. Следовательно большинство наказов отражает интересы буржуазных групп; но встречаются наказания, отражающие и неустойчивое соотношение социальных сил и преобладание бедняков.

Из всех вопросов, на том или ином разрешении которых сказалась борьба социальных групп внутри крестьянства, останемся только на двух: на выкупе феодальных повинностей, в связи с вопросом о круговой поруке, и на общинных землях.

В ряде мест при сборе ренты и составлении описи повинностей сеньеры имеют дело не с каждым крестьянином порознь, а со всем миром разом. По суммарному списку рента, следуемых со всего фьефа, производится сбор, причем сбор этот поручается отдельному лицу, которое и несет ответ своим имуществом за недоимки. Выполнение этой неприятной и разорительной обязанности большей частью ложится на зажиточных крестьян. Последние протестуют против такого порядка¹. Из наказов видно, что за последние 100 лет до революции в некоторых местах сеньеры стали отказываться от такого порядка²; но положение основной массы крестьян от этого не только не улучшилось, а ухудшилось. Составление списка повинностей и рента теперь производится отдельно для каждого «вассала» (так себя называют крестьяне, подчеркивая свою зависимость от сеньера), а просмотр всех документов позволяет восстановить забытые платежи и повинности; расходы по этой процедуре оплачиваются крестьянами. Фискальные прокуроры берут за эту работу очень дорого, так что владельцам мелких участков иной раз приходилось уплачивать им больше годового дохода со своей земли; вследствие этого бедные хозяйства принуждены продавать землю и разоряются вконец.

¹ Cahiers, v. II, p. 432 etc. Иногда сбор поручается всем по очереди; наказ прихода Rougé называет эту обязанность барщиной.

² С конца XVII в. по наказу Ritiers (Cahiers, I, 453), 100 лет назад — по наказу Marcillé-Robert (там же I, 207). Таким образом феодальная реакция началась не со второй половины XVIII в., а значительно раньше. Утверждение Сэ, что солидарность рента имеет место повсюду, но не везде, отмечается (указ. соч., с. 91) ошибочно.

Буржуазная верхушка крестьянства тех мест, где солидарность платежей осталась в силе, требует свободного для всех крестьян выкупа своих солидарных рент. Таким образом они хотят не только порвать с солидарностью платежей, но и вообще ликвидировать феодальные платежи. Но не все слои крестьян приветствуют предложение ликвидировать сеньеральный режим путем выкупа. Так наказ прихода Thorigné говорит: «Действительно это предложение (уничтожить феодальное право) выгодно только богатым собственникам; они-то освободятся от своих рент», а мелким «держателям» такая ликвидация сеньерального режима грозит потерей собственности и ростом арендной платы не только на землю, но и на жилища¹. Наказ считает, что эта мера приведет не к освобождению крестьян, а к утверждению нового их рабства. Таким образом программа реформы, которую впоследствии проводило Учредительное собрание, еще задолго до того, как о ней поднялся вопрос среди «представителей нации», обсуждалась на крестьянских собраниях и была заклеяна мало-мощными слоями крестьянства. Вместо выкупа сеньеральных рент деревенский полупролетариат, а иногда и средние крестьяне, требовали их полного уничтожения².

Еще более ярко борьба внутри крестьянства отразилась в требованиях наказов относительно судьбы общинных земель. Захват сеньерами общинных земель и пустопорожных земель, которыми общины пользовались как пастбищами, принял грандиозные размеры. Захватчики не брезговали ничем и присваивали всякие виды угодий.

В ряде наказов указывается, что сеньеры захватили и порубили леса на принадлежащих приходу общинных землях, нередко те самые леса, которые были засажены самими крестьянами или их предками. Под безжалостный топор торгового капитала попадали даже фруктовые насаждения. Иногда, захватив лес, сеньеры даже за деньги не соглашались его продавать крестьянам, а использовали его для промышленных целей. Местами сеньерами практиковался захват общинных земель для лесов или древонасаждения. Захватывались даже каменоломни³. Иногда сеньеры практикуют захват таких участков, которые абсолютно необходимы крестьянам, в целях жестокой эксплуатации крестьян или путем штрафов, или путем сдачи отрезков крестьянам: в Villepot отняты и загорожены дороги и водопой; в St. Plélan сеньер захватил крошечные участки при входе в деревню и в середине ее и сдал их в аренду фискальному прокурору; между тем на этих участках крестьяне доставали себе

¹ Cahiers, v. II, p. 51.

² Наказ прихода Messac, Cahiers, v. II, 251, § 9.

³ Ibidem, v. III, p. 241; II, 71, 495, 418; II, 745, § 10; III, 738, § 12; II, 124, § 9.

воду, на них молотили хлеб и пасли скот. В приходе Messac огорожены были колодцы и источники. Захваченные земли сеньеры огораживают и сдают в аренду, иногда предвзятельно соорудив там хозяйственные постройки¹. Сеньеры не стеснялись и наличием документов, подтверждающих право крестьян пользоваться теми или иными участками (большей частью в обмен на те или иные повинности: баналитеты, барщина и пр.); иногда справедливость подобных заявлений наказов подтверждается при просмотре сеньеральных архивов². Сдача в аренду общинных земель иногда имела место и в предыдущем столетии; но гораздо чаще захват общинных земель и сдача их в аренду производились в XVIII столетии, а за последние 30 лет до революции эти злоупотребления приняли прямо-таки массовый характер.

Отношение наказов к захвату общинных земель далеко не единодушное и не однородное. Часть наказов определенно выражает интересы бедного населения: «К большому ущербу третьего сословия сеньеры сдали в аренду все пустопорожние земли, что приносит значительный вред бедным слоям населения (au menu peuple), так как тот, кто имел только поместье, несколько времени тому назад мог иметь корову или козу, что помогало ему содержать свою маленькую семью; а теперь он благодаря обнесению оградой пустопорожних земель остался без средств существования»³. Общинные земли составляли «единственное богатство бедняков», а теперь население впадает в бедность и даже начинает умирать⁴. К голосу бедняков иногда присоединяются голоса средних крестьян: «Без общинных земель бедняки не имеют пастбища, так же как и арендаторы небольших ферм, когда их земли засеяны все целиком»⁵. Отсутствие пастбища не только уменьшает количество скота, но и ухудшает урожайность; без навоза земля родит плохо. Вместе с тем дорожают и продукты⁶.

Эти указы требуют весьма решительным тоном и без всяких компромиссов возвращения всех захваченных в последние 40 лет общинных земель; требуют, чтобы все сдачи их в аренду были аннулированы, чтобы коммуны владели ими безраздельно и чтобы на будущее время было запрещено владельцам фьефов и прочим лицам распоряжаться ими по своему усмотрению⁷.

В приходе Chatillon en Vendelais на собрании по вопросу об

¹ Cahiers, наказ прихода Messac, v. I, p. 436; III, 602, § 19; 429, § 12; II, 272, § 15; III, 276; I, 434, § 8 и 303, § 3. Сдача в аренду захваченных общинных земель называлась «afféagement».

² Ibidem, v. II, p. 261, прим. 2.

³ Наказ прихода La Nouage, Cahiers, v. II, p. 721.

⁴ Ibidem, v. II, p. 77, 527, 614, § 20, и др.

⁵ Ibidem, Наказ прихода Saint Marcin, v. I, p. 620.

⁶ Ibidem, v. I, p. 434, § 8; II, 675, § 15; 217; IV. 131.

⁷ Ibidem, v. II, p. 675: 217.

общинных землях шла борьба, которая очень ясно отразилась в решении наказа: «Хотя сдача общинных земель в аренду (afféagement) и прибыльна аффеажистам, которые их огородили..., жители просят уничтожить изгородь и присоединить участок к прочим общинным землям, так как интересы отдельных лиц не должны господствовать над общим интересом подданных»¹.

Если на этом собрании интересы бедняков победили полностью, то далеко не так обстояло дело в ряде других наказов. Борьба часто бывала до того обострена, что приходилось, чтобы не довести дело до открытого конфликта, делать поправки, коренным образом противоречащие сказанному ранее. Так в Lanvally сначала (§ 11) было записано решение, принятое, как видно, под давлением председателя — фискального прокурора: «Если сеньеры претендуют на пустопорожние земли, пусть платят за них налоги». А затем в конце приписано «дополнение к § 11», требующее восстановления всех общинных земель, огороженных и сданных в аренду². В наказе St. Judoc конкурировало три предложения: 1) предоставить общинные земли сеньерам при условии, чтобы они платили за них налоги, 2) разделить общинные земли между собой и 3) восстановить общинные земли, арендованные в течение последних 30 лет, и оставить их в общем пользовании, особенно в пользовании бедняков; и все эти предложения записаны и соединены союзами: «если», «кроме того», «и»³.

Первый наказ прихода Messac то соглашается на уменьшение арендной платы со сдаваемых крестьянам захваченных земель, то требует восстановления всех общинных земель, а о том, как поступить с общинными землями, пользоваться ли ими сообща или разделить их, само собрание просит совета⁴.

В этих собраниях ни одна партия не получила перевеса; в тех собраниях, где некоторый перевес получали буржуазные группы, принималось компромиссное решение, в конечном счете выгодное как раз зажиточным. Так наказ Montreuil sur Ille, в случае если арендованные общинные земли не будут восстановлены, готов поладить с сеньерами на том, чтобы они сдавали присвоенные ими земли своим вассалам предпочтительно перед другими, чужаками⁵.

В целом ряде собраний, с преобладанием группы деревенских богатеев, вопросы ставятся и разрешаются по-иному: присутствующие протестуют против захвата общинных земель только для видимости, так как эти протесты сопровождаются требованиями: 1) сдавать эти земли в аренду только ближайшим со-

¹ Наказ прихода Saint Marcan, Ibidem v. I, p. 303.

² Ibidem, v. II, p. 653, 657.

³ Ibidem, v. III, p. 663.

⁴ Ibidem, v. II, p. 250.

⁵ Ibidem, v. II, p. 132, § 20.

седам и 2) без всякой оплаты введения в пользование (*droit d'entrée*)¹. Весь интерес собрания сосредоточен на этих двух требованиях, а с присвоением общинных земель сеньерами они уже примирились.

Центральный интерес в этой группе наказов перенесен на другой вопрос, — как использовать ту часть общинных земель, которая осталась за приходом. «Если имеется закон, губительный для земледелия, противоречащий интересам и частных лиц и государства, то это — запрет делить общинные земли; он мешает расширению запашки и является причиной уничтожения лесов»², — говорится в одном наказе. Наказ бурга Domalain требует разрешить каждому собственнику огородить находящиеся рядом с его участком общинные и пустопорожные земли³. Приход St. Gills требует разрешения возводить постройки на общинных землях и необработанных участках без взымания арендной платы, желая этим предотвратить отнятие общинных земель; при этом предлагается такой способ распределения участков, который обеспечил бы как раз интересы наиболее «крепких» крестьян: «Пусть нотабли распределяют соответствующие участки между лицами, которые по их мнению достойны ими пользоваться»⁴. Понятно, что такими «достойными» окажутся наиболее богатые. Наконец приход St. Erblon предлагает оригинальное мероприятие с затаенной целью избежать захвата общинных земель сеньерами: пусть государственная власть предложит сеньерам в определенный срок обработать все необработанные земли, а после истечения этого срока уполномочить соседних собственников огораживать оставшиеся пустоши и обрабатывать их, не платя ничего⁵.

Нигде не встречается следов или указаний на то, что беднота соглашалась на раздел общинных земель. В тех наказах, которые берут под свою защиту интересы бедноты, всегда мы встречаем требования восстановления общинных земель для общинного пользования, и наоборот наказания, требующие раздела общинных земель, насквозь проникнуты откровенной кулацкой идеологией, хотя часто прикрыты различными фразами о благе государства. Постановления эти принимались вопреки воле маломощных. Впрочем имеется любопытный пример грубого подлога: в наказе прихода Plestin значится: «вернуть все общинные земли в прежнее состояние» и позднейшая приписка между строк: «чтобы разделить между собой»⁶.

Таким образом крестьяне не всегда могли противопоставить сплоченные ряды стремлениям сеньеров захватить общинные земли.

¹ Наказ прихода Saint Medard sur Ille, Ibidem, v. II, p. 155.

² Наказ прихода Le Pertre, v. I, p. 326—327.

³ Ibidem, v. I, p. 321.

⁴ Ibidem, v. II, p. 188.

⁵ Ibidem, v. II, p. 8, § 4.

⁶ Ibidem, v. III, p. 256 и след.

Часто среди крестьян велась серьезная борьба по вопросу о том, как использовать общинные земли, и нередко буржуазные слои считали, что лучше принять землю из рук сеньера, но принять ее в индивидуальное пользование.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что расхождение крестьян в Бретани было настолько велико, что и в борьбе перед лицом общего врага не было стерто различие интересов отдельных социальных групп крестьянства. Наоборот с самого начала революции борьба против пережитков феодализма вызвала обострение классовой борьбы внутри крестьянства.

IV

БОРЬБА МЕЖДУ ГОРОДСКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ И ДВОРЯНСТВОМ ЗА ВЛИЯНИЕ НА КРЕСТЬЯН

В Бретани революционное брожение началось задолго до революции 1789 г.¹ В ответ на приказ правительства об уменьшении прав парижского и провинциальных парламентов все сословия Бретани поднялись на защиту своей многовековой автономии, и с 3 июля 1783 г. в Ренне был настоящий мятеж. Представитель центрального правительства интендант Bertrand de Molleville принужден был искать безопасности вне города. Возбуждение продолжалось и в августе, но здесь уже не приходится говорить об единстве всех сословий: в августовском протесте адвокатов бретонского парламента против юридической реформы уже можно видеть специальную защиту интересов 3-го сословия и протест против привилегий. Особенную остроту и специфический характер эта кампания получила еще оттого, что неурожайное лето 1788 г. и рост цен на хлеб вызвали брожение среди низших классов города и деревни, доходившее временами до открытых восстаний. Это брожение использовалось буржуазией, указывавшей, что сеньеры спекулируют на ценах, вывозят хлеб. Города Ренн, Напт, Витре, Редон, Монфор, Шатожирон, Канкаль, Доль печатают «наказы депутатам третьего сословия», резко направленные против привилегий феодалов, и распределяют их не только в городах, но и в деревнях. Выпускается ряд брошюр и памфлетов, направленных против привилегий дворянства. Но особенно была распространена резолюция (*délibération*) бретонских муниципалитетов, съехавшихся в Ренн к 22 декабря и совещавшихся в течение почти целой недели. Эта резолюция была разослана по всем приходам, городским и сельским; в большинстве сельских приходов она вызвала ответные

¹ Сведения о событиях, предшествовавших созыву Генеральных штатов, излагаются по предисловию к изданию наказов Реннского сенешалства и по Dupont, La condition des paysans dans la sénéchaussée de Rennes à la veille de la révolution, 1901, p. 5—26.

резолюции, присоединяющиеся к ней, приветствующие или дополняющие ее.

Все резолюции, постановления и декларации третьего сословия сначала содержали только политические требования; но и они вызвали чрезвычайно резкий отпор со стороны дворянства и высшего духовенства. В своей борьбе привилегированные пытались опереться на массы. Chevalier de Guer в своем памфлете «Письмо к населению Ренна» возбуждает широкие массы против буржуазии, противопоставляя низшие слои 3-го сословия (gros tiers) высшим (haut tiers) и указывая на то, что неравенство собственно существует не между благородными и жителями деревень, а между богатыми и бедными. Подобная агитация, имея целью отколоть крестьян от третьего сословия, продолжалась и весь февраль. Таким образом был поставлен социальный вопрос, и теперь буржуазии нельзя было его обходить, и было необходимо расширить программу.

Если в декларации от 22—27 декабря представители третьего сословия только мимоходом затрагивают сеньярский режим, требуя уничтожения феодальных поборов lods et ventes с контрактов обмена, то теперь приходится, следуя за постановлениями крестьянских коммун, вводить требования устранения сеньярского режима целиком. В результате появляется «Наказ хорошего гражданина, жителя деревни»¹, разосланный по всем сельским приходам; он послужил впоследствии образцовым наказом для крестьянских собраний. Помимо популярно изложенных основных политических требований третьего сословия этот наказ требует отмены законов, запрещающих выкуп феодальных барщин и повинностей, и разрешения каждому выкупать их по оценке согласно кутюмам Бретани, превращения свободных держаний в общее право и замены сеньярских судов королевскими. Требования довольно кучные; во всяком случае они гораздо умереннее резолюций сельских приходо-в.

Как бы то ни было, этот примерный наказ так или иначе разрешал основной вопрос, интересующий крестьян. «Наказ хорошего гражданина» получил чрезвычайно широкое распространение в деревнях. Имеется очень немного наказов, на которых не сказалось бы влияние этого образца. Большинство наказов делает из него те или иные текстуральные заимствования. Широкое распространение этого документа было очень ловким маневром, так

¹ Автор предисловия к изданию наказов Реннского сенешальства предположительно определял составителей этого образцового наказа. Их социальное положение следующее: 1 procureur du Roi au présidial de Nantes, 1 avocat du Roi au présidial et syndic de la ville de Nantes, 1 notaire, 3 négociants, 1 marchand de draps, 1 meunier, 1 propriétaire d'une mine de charbon, 1 apothicaire, 1 orfèvre и 1 американец (профессии не указано). Таким образом, как видно, этот образцовый наказ вышел из самых недр буржуазии и буржуазной интеллигенции.

как теперь трудно было овладеть симпатиями крестьян, не беря за основу хотя бы этих минимальных требований. Во всяком случае влияние третьего сословия городов было обеспечено.

Это влияние было настолько велико, что в огромном большинстве случаев оно совершенно парализовало прямое и косвенное давление сеньеров на крестьян. Официальный порядок проведения выборов и составления наказов между тем благоприятствовал такому давлению сеньеров и их агентов. Председательствовать на собраниях должен был или сенешаль, или судья — оба зависевшие от сеньера благодаря его праву смещать судей, — либо фискальный прокурор; последний не только следил за правильным поступлением сеньярских рент и за составлением описи повинностей, но большей частью сам же являлся сборщиком рент, т. е. прямым агентом сеньера.

Крестьяне отлично понимали связь сеньярской юстиции и администрации с сеньерами. «Законы почти ничего не значат в руках сеньярских судей, — говорится в одном наказе, — их фискальные прокуроры, их писцы и нотариусы — все являются их затрапезниками... они всегда им преданы и действуют только в соответствии с их интересами и часто согласно капризам сеньеров»¹. Сориться с должностными лицами сеньярского суда опасно. «Когда они имеют зуб на кого-нибудь, они заставляют его продать все, что он имеет, и пускают его по миру с сумой»². Одно присутствие этих должностных лиц, волков в овечьем царстве, должно было стеснять свободу крестьянских собраний и влиять на тон наказов.

Часто председатели навязывали собранию заранее составленный наказ или, если наказ составлялся на собрании, мешали внести в него те или иные требования. Однако ободренные поддержкой горожан, крестьяне часто находили в себе мужество противодействовать этому давлению. Иногда председатель терял руководство над собранием; в таком случае в наказ помещались самые крайние требования, даже жалобы на фискального прокурора, который «председательствовал» на собрании. Иногда, подписывая наказ, председатель оговаривал, что он не согласен с такими-то параграфами. Часто крестьянские требования вписывались после подписи председателя. Если сеньярский агент препятствовал помещению крестьянских требований во всей их полноте, случалось, что крестьяне отказывались подписаться под наказом; иногда составлялся второй наказ в отсутствие председателя сеньярской власти³. Только на 3 или 4 собраниях (из 363) сеньярские агенты или

¹ Наказ прихода Caulnes, Cahier v. III, p. 253.

² Наказ прихода Plélan, Cahier v. III, p. 418.

³ Давление председателя на собрание удается вскрыть только в наказах тех собраний, на которых крестьяне сумели дать ему отпор; когда крестьяне на открытую борьбу не решались и когда, следовательно,

сами сеньеры сумели навязать крестьянам наказания, более или менее благожелательные по отношению к сеньеральному режиму.

Кроме давления председателя сеньеры использовали для воздействия на крестьян демагогическую агитацию с целью помешать объединению крестьян с третьим сословием городов. Иногда эту агитацию вели священники. Иногда сеньеры пытались использовать национальную обособленность бретонцев, обращаясь к ним на их родном языке и говоря о вольностях Бретани, которым будто бы угрожает опасность со стороны горожан¹.

Иногда дворянство пыталось опереться на деревенских бедняков, напоминая, что сеньеры — главные жертвователи на благотворительные учреждения. На полях наказа Rouffigné, неопределенно жалующегося на запугивания, имеется надпись: «Дворяне угрожают виселицей, отказом от пожертвований; священники запуганы; деспотизм благородных в деревнях слишком велик, угрожающе велик»². В приходе Plestan кто-то огласил брошюру M. de Chevalier [de Guer] (о которой говорилось выше); в приходе Rougé мясник-кабатчик зачитал листовку, содержание которой протокол резюмирует так: «Поостерегитесь, господа, члены генералитета, вмешиваться в дела короля. Если вы будете сосланы, над вами здорово посмеются. Придет очередь и маленьких людей (bons petits gens)»³. Под маленькими людьми, как видно, подразумевались как раз маломощные и разоренные крестьяне. Нужно однако отметить, что все попытки дворянской агитации потерпели на собраниях полное фиаско; попытка опереться на бедноту тоже ни к чему не привела.

Итак, за влияние на избирательные собрания крестьян и за крестьянство как союзника шла борьба между дворянством и буржуазией. Дворянство мобилизовало все свои силы: авторитет официальных лиц деревни, представителей юстиции и частично низшее духовенство. Однако крестьяне пошли за теми, кто обещал так или иначе уничтожить сеньеральный режим. В атмосфере общего возбуждения росла надежда крестьян, смутно чувствовавших свою революционную мощь. Вместо униженной речи временами в наказе встречаются смелые и ясные требования и мужественные изобличения притеснителей. Но во многих случаях запугивания и давления со стороны сеньера и его агентов имели умеряющее влияние на наказания. Рассматривая наказания с точки

влияние председателя было сильнее, оно остается скрытым; но и тогда оно сказывалось, как видно, только в том, что наказ выдерживался в более умеренном тоне, не меняя враждебной позиции к сеньеральному режиму.

¹ Приход Bourbriac, Cahiers v. IV, p. 169. Хотя сама брошюра и не приводится, но о содержании ее можно получить представление по характеру ответной резолюции прихода.

² Cahiers, v. II, p. 378.

³ Cahiers, v. II, p. 365.

зрения их субъективной достоверности, надо иметь в виду, что за умеренностью тона часто скрывается враждебность к сеньеральному режиму, которую легче преуменьшить, чем преувеличить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Бретани капитализм в его торговой стадии достигает значительного развития, он проник в самые толщи населения как городского, так и сельского; проник в те уголки, где восстание вспыхнуло раньше всего (дистрикт Бэн, Фужере). Мало того, совершенно ясно обозначались признаки перехода капитализма на высшую стадию: капитал проникает в производство; наиболее сильно этот процесс сказался в городе; несколько менее интенсивно и главным образом вблизи торговых центров капитал проникает и в сельскохозяйственное производство. С другой стороны, капиталистические формы эксплуатации широко охватили крестьян благодаря весьма значительному развитию домашней системы промышленности в изготовлении шерстяных, хлопчатобумажных и главным образом льняных и конопляных изделий. Нет ничего похожего на господство натуральных хозяйственных отношений. Замечательно, что обычно на Бретань ссылаются для доказательства совершенно противоположных положений. В качестве примеров развития внешней торговли во Франции приводят бретонские города Нант и Сан-Мало. В качестве доказательства, что местами во Франции образовались крупные земельные владения у крестьян, опять следует ссылка на Бретань. Но когда идет речь о причинах восстания шуанов, Бретань изображается самой отсталой провинцией Франции.

Развитие товарного хозяйства приводит к расслоению крестьян, местами принимающему значительные размеры. Наличие зажиточных крестьян в северной Бретани, на что нередко указывается в литературе, имеет место рядом с наличием полупролетаризированного (а в Нижней Бретани и совершенно пролетаризированного) крестьянства; в центре Бретани мы имеем много малоземельных крестьян рядом с многоземельными крестьянами, пользующимися наемным трудом для ведения хозяйства, а также взимающими ренту с земель, сдаваемых в аренду малоземельными и безземельными.

Вместо патриархальных отношений мы открываем внутри крестьянства ожесточенную классовую борьбу.

Мифом оказываются и патриархальные отношения между крестьянами и помещиками. Как раз в Бретани гнет феодальных повинностей был наиболее тяжел. Эксплуатация крестьян торговым капиталом принимала наиболее тяжелые формы, подчас прямо-таки крепостнические. Феодальная реакция, в частности захват общинных земель, принимала здесь значительные размеры и соответ-

ственно встречала энергичный отпор. Протесты крестьян против тяжелых форм эксплуатации в виде восстаний имели место еще в предшествовавшее столетие; жакерия накануне революции в Бретани приняла острые формы; движение на почве недовольства неисполнением обещаний 4 августа 1789 г. в Бретани проявилось ярче, чем в других местах Франции.

Личные отношения крестьян к помещикам тоже ничего общего не имели с «дружескими чувствами». Барщина, которая местами еще носила производственный характер¹, вызывала иной раз конфликты в очень острых формах.

«Был случай еще недавно, — рассказывает наказ прихода Tinténias, — сеньер, соседний с нашим приходом, желал заставить вассалов сушить сено в воскресный день; один из них (вассалов) ему сказал, что он хочет идти в церковь послушать мессу; сеньер пришел в бешенство, наградил его ударами, повалил на землю и вырвал ему глаз»². Повсюду царил феодальный презрение к мужику, с которого, мол, можно тянуть сколько угодно (Jean le gустre заплатит все!)³, с которым нечего церемониться. А о бережном отношении сеньеров к труду крестьян и говорить не приходится. Если после дождя дорога сделалась грязной и трудно проезжаемой, сеньер, не задумываясь, велит своим слугам взломать загородки, огораживающие поля, и едет на телеге по хлебу. Оскорбить крестьянина, пригрозить ему сеньер никогда не постесняется; в случае если крестьянин чем-нибудь провинится перед сеньером, он здесь же его избивает⁴.

Особенно много столкновений бывало между сеньерами и крестьянами на почве права охоты. Слуги сеньера убивали собак, принадлежащих фермерам, даже на дворе фермы, «под тем предлогом, что эти собаки охотятся и уничтожают дичь». За замечание лакею сеньера, который охотится на полях, что он топчет посев, дворянин избивал крестьянина палкой или сажал его в тюрьму. Еще хуже, если крестьянин решался сделать замечание самому сеньеру. «Если земледелец весьма вежливо заметит, что ему причиняют убыток, выпуская на его землю свору собак, которые уничтожают плоды его трудов, то в ответ ему грозят стрелять в него; он бледнеет и уходит ни с чем»⁵.

Из всего этого видно, что сеньеры не считают крестьянина за человека, за ним не признают ни чести, ни самолюбия. «Некоторые хвастуны из их сословия... говорят, что крестьян не следует

допускать в общество людей, надо им отрезать носы и пустить пасть вместе со скотиной»¹.

Вместо идиллической картины патриархальных отношений между крестьянами и помещиками, живущими подчас подобно крестьянам, вынося на рынок продукты, произведенные в своем хозяйстве, вместо дружной семьи, «добрых отцов» и «послушных детей», какими рисовались и до сих пор рисуются отношения между крестьянами и помещиками в районах восстания шуанов, изучение документов вскрывает картину полного отчуждения обоих классов друг от друга, глубокого презрения — с одной, и запуганной ненависти — с другой стороны. И пропасть между крестьянином и помещиком тем сильнее, чем чаще они встречаются; чем ближе они подходят друг к другу по своему экономическому положению, тем резче подчеркивается, иногда нарочито, привилегия одних и бесправие других, тем грубее сеньеры играют роль «царя и бога» и тем более подходит им слово «тиран», которым подчас награждают их наказания².

Анри Сэ, который своим исследованием прорубил брешь в концепции «дружественных отношений» бретонских крестьян с помещиками, пытается искать причины крестьянской контрреволюции в чрезвычайном фанатизме крестьян и преданности их духовенству. Мне думается, что, разрушая одну легенду, автор создает другую, еще более легковесную. Кроме чрезвычайной переоценки идеологического фактора, здесь налицо значительное упрощение. Нельзя забывать, что фанатизм бретонских крестьян уживался с враждой к высшему духовенству и к монашествующим. Заклинающая «не трогать нашу святую религию», крестьяне сами наносят ей сокрушающие удары, грома изнеженность и развращенность высшего духовенства, называя монахов «лентяями, бесполезными и для религии, и для государства», и атакуя такие оплоты католицизма, как иерархия, десятина и церковное землевладение. Наказы предлагают уничтожить религиозные коммуны и монашеские ордены и изъять церковные богатства (главным образом земли), «которые служат для поддержания роскоши и ложного величия», и предлагают использовать их на более насущные нужды: на помощь бедным, на уплату государственных долгов³; чуть ли не в каждом наказе встречаются протесты против десятины, «которая противоречит свободе собственности и губительна для земледелия»⁴.

Хотя наряду с ненавистью к высшему и черному духовенству часто выявляются дружелюбные чувства к духовенству низ-

¹ Наказы приходов Pont Melver, Pleguer, Cuguen; в последнем крестьяне обязаны были косить, сушить и собирать в стога сено и косить и обирать в конны хлеб. Cahiers, v. II, p. 627.

² Ibidem, v. III, p. 187, § 6.

³ Наказ прихода Cuguen, Cahiers, v. I, p. 176.

⁴ Ibidem, v. II, p. 483; III, § 95, 792 и др.

⁵ Наказ прихода St. Gregoire, Cahiers, v. II, p. 82, см. также v. II, p. 624; v. III, p. 416, 586.

¹ Наказ прихода Plehere, Cahiers, v. III, p. 654.

² Наказ прихода Landebaéron, v. IV, p. 135.

³ Наказ прихода Landebaéron, v. I, p. 122, 146, 586—588; v. II, p. 70, § 1, 144; v. IV, p. 79 и др.

⁴ Ibidem, I, 601; v. II, p. 9, § 8, 224; § 2.

шему, все же это явление нельзя считать повсеместным. Наоборот довольно часто встречается указание, что между прихожанами и их «духовными отцами» стоит перегородка из-за различия интересов. Крестьяне очень неохотно помещают требование увеличить жалование настоятелю до той суммы, которая обозначается в образце наказов, до 2400 ливров; некоторые приходы, списывающие этот образец целиком, пропускали этот параграф; большинство приходов понижало требуемые суммы вдвое и даже втрое.

Очень часто наказания указывают напротив, что доходы духовенства недостаточны и что настоятели и кюрэ должны погребать, крестить, венчать, причащать и выполнять прочие требы бесплатно или по более низкому тарифу. Встречаются указания на корыстные злоупотребления настоятеля, на вымогательства под предлогом сбора десятины. Поэтому крестьяне требуют запретить настоятелям брать десятину на откуп.

Особенно важно и интересно отметить имеющееся в некоторых местах противоречие между крестьянством и местным духовенством из-за распределения средств производства. В целом ряде наказов встречаются требования запретить всем пользующимся бенефициями викариям и кюрэ брать земли в аренду. Если духовные лица большую часть арендуют ничтожные клочки земли (в Chanteprie 3 клочка по несколько десятков cordes carrés монастырской земли), то в иных случаях снятые ими земли составляют целые усадьбы, иногда с двумя домами, садом, огородом и пахотной землей. Иногда священники ведут крупное хозяйство, имея много пахотной земли, обрабатываемой «множеством батраков». Здесь уже не продовольственное хозяйство вдобавок к скудному содержанию, а настоящее торговое хозяйство.

Таким образом представители низшего духовенства конкурируют из-за земли с крестьянами и, обладая большим капиталом и не платя налогов ни с имущества, ни с наемных рабочих, побивают крестьян в борьбе за землю. Благодаря тем же привилегиям они выходят победителями из конкурентной борьбы на рынке в ущерб крепким мужикам и буржуазной верхушке крестьянства; наконец они приносят вред и всей общине, уменьшая земельный фонд крестьян и тем отягчая обложение остальных крестьянских земель.

Таким образом иногда крестьян и низшее духовенство разделяют противоположные интересы классового характера. Неудивительно, что в ряде приходов священники становились на сторону привилегированных и сеньерального режима и противодействовали радикализации крестьянских требований. С первых шагов революции часть низшего духовенства пошла в ногу с крестьянами, часть оказалась по ту сторону баррикады; с последними крестьяне не побоялись порвать. Как видно, фанатизм и «преданность» духовенству были лишь вторичным фактором, послужившим ширмой

для других, более глубоких причин, толкнувших некоторые слои крестьян к выступлению против революции.

Наконец не следует упускать из виду, что хотя крестьянство Бретани и пошло вместе с городским третьим сословием на штурм феодализма, интересы сельчан и горожан не были идентичны. Городские буржуа, вкладывающие капитал в обработку земли, так называемые аффеажисты, получали резкий отпор со стороны сельской буржуазии. Даже капиталисты, вкладывавшие средства в культурные начинания (например в мелиоративные работы), пользовались настолько некультурными методами (например в приходе Vildé Bidon арендаторы отвели воду с заболоченного участка таким образом, что затопили земли крестьян), что вызывали только обострение отношений между городом и деревней¹. Противоположны были интересы скупщиков и сельских кустарей. Даже к городским ремесленникам и рабочим деревенская беднота была настроена враждебно и завидовала их будто бы высоким заработкам². Немало недовольствия вызывает и октруа (налог на ввозимые в города продукты). Наконец значительные земельные владения городской буржуазии³, эксплуатировавшей земельный голод крестьян не менее жестоко, чем сеньеры, вносили значительную дозу недружелюбного отношения к городским богатым. Таким образом интересы как отдельных групп крестьян, так и всего крестьянства в целом сталкивались с интересами тех или иных групп горожан. Представители третьего сословия в бретонских штатах не могли похвастать хорошей защитой интересов крестьянства. Поэтому понятно стремление крестьян иметь своих крестьянских представителей или даже совершенно обособиться в особое четвертое сословие⁴. Это еще раз подчеркивает, что союз крестьян с городским третьим сословием был союзом временным, что ряд противоречий между городом и деревней не был ликвидирован и не мог быть ликвидирован и что буржуазия приобрела союзников в среде крестьян только лишь благодаря определенным обещаниям — обещаниям свергнуть и разрушить сеньеральный режим. Невыполнение буржуазией этого обещания так же, как выполнение его только частично могло этот союз разорвать.

Нужно думать, что Дюпон отчасти прав, предлагая искать

¹ Наказ прихода Landebaéron, Cahiers, v. II, p. 555.

² Наказ прихода Thorigné, Cahiers, v. II, p. 48.

³ См. таблицу у Sée, указ. соч., с. 65. Из нее видно, что в 20 приходах площадь земли, принадлежащей жителям городов, равна половине площади крестьянской земли, причем крестьян 4¹/₂ тыс. собственников и горожан — 380, а средний размер владений первых 5,7 журналей, а вторых 32,5. В некоторых приходах буржуа имеет в полтора и в два раза земли больше, чем крестьяне.

⁴ См. указы прихода Domloup, Cahiers, v. I, p. 589—590, революцию прихода Maroué, III, 548, указы прихода Saint Carreuc, Saint Rieul, v. III, p. 707, 740.

причину восстания шуанов в том, что требования крестьян не были удовлетворены¹. Нужно только четко поставить вопрос о классовой сущности этого движения и проследить все этапы его развития. Для этого необходимо выяснить, как происходил разрыв крестьян с революционной буржуазией городов, интересы каких групп крестьян были обойдены или ущемлены революцией, какие изменения происходили в политическом и социальном характере движения и каким образом и опираясь на какие группы крестьян, дворянство и духовенство сумели использовать это недовольство для контрреволюционных целей.

При такой постановке проблема крестьянской контрреволюции теряет свой местный характер и становится проблемой общей для всей Франции.

Такое перемещение исследовательского внимания необходимо. Действительно контрреволюционное настроение тех или иных слоев крестьянства во время Великой французской революции проявлялось повсеместно, и далеко не одними западными департаментами ограничивалось оформление этого настроения в контрреволюционные восстания. В Лангедоке (Лодев), Савое, Турени, Нормандии (Манш, Еуге), Гаскони (Верхние Пиренеи) правительству приходилось прибегать к военной силе для ликвидации местных крестьянских восстаний и волнений. Даже самая промышленная провинция Франции Фландрия была ареной крестьянской кулацкой контрреволюции, усилившейся при приближении враждебных республике армий. Эти движения, различные и по социальному составу и по своему характеру в различных областях и на разных этапах революции, еще требуют исследования. Для Бретани же необходимо выяснить не только социальный характер движения шуанов, но и обстоятельства, приведшие к расширению влияния и деятельности контрреволюционных групп крестьянства до степени гражданской войны. К этим обстоятельствам нужно отнести не только чрезвычайное обострение классовой борьбы в Бретани, но и внешнюю поддержку контрреволюционных групп как со стороны вандейцев, так и со стороны англичан (десант в Кибероне).

¹ Dupont, La condition des paysans de la sénéchaussée de Rennes à la veille de la Révolution, 1901, p. 168—169.